

Богдан АГРИС

как разговорится наемни
непрошенный книжный двойник
а самое малое сердце
захочет в рисунок простой
так луны пройдут напоследок
одеты неброско но вот
приходишь ты ветер белокурый
в зеркало пожатой волны

немало скупы оболочки
сих непоправимых семян
не время ли выглянуть косо
по топкому свету где перст
возник образцово и горько
громоздкие спят образцы
и тихо качается люлька
и лунного дыма свирель

всё это голосом летало
всё это плыло и светало
а речь каштаном шла в стекло
всё это плыло утекло
а мы в дневном и скользком всхлипе
идём по суматошной липе
где зяблики спешат в просвет
к перетекающей листве

а было мне – листва, минута
не переломано не гнуто
не сбивчиво не вопреки
не задыхание реки

Богдан Агрис родился в 1973 году, живет в городе Химки. По образованию – философ (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова). Публиковался в бумажных и электронных изданиях «Новый мир», «Волга», «Знамя», «Полутона», «Кварта», «Флаги», «Новая Юность», «Крещатик», «Плавающий мост», «Сетевая словесность», «На середине мира», «Прочтение», «Дегуста». Автор книг стихотворений «Дальний полустанок» (М., 2019), «паутина повилика» (М., 2021). Соредактор журнала поэзии «Кварта».

а моложаво и пчелино
зазывает и тополино
и клён исподтишка хотел
к неоспоримой высоте

вернись мне сердцевина часа
пройди легко и неведгласо
щеглом рисунком невпазд
о прозорливый звездопад
о дщерь листвы неутомимой
коснись мне времени но мимо
да прянет иволга светла
да канет в иволгу ветла

всё это раскрыто дождём корневым
расправлено в хлябь мельтешенье движенье
волною внахлёт у запястья невы
где лун обомлевших крутое спряженье
где ходит кораблик окрест головы

он ходит по кромке и дразнит письмом
он весь в треволненьях и пенях и бризах
он весь на вощёную нитку нанизан
а час погоди не иначе восьмой
и голуби вытянуты по карнизам

а что мы оставим когда занесёт
сей тонкий кораблик в присест законный
мы плесками тянем во львы и балконы
и льёмся в пространство и ставим на всё
где лунные брызги и пеши и конны

Стансы

мне кажется уже не разрешат
ни злчных звёзд ни вылитых мышат
ни молока солёного по локоть
но тем верней мне станут наравне
бровастые окраины камней
весь их подлунный и полночный цокот

в подглазьях остановленной травы
сетчатокрыло цепенеют львы
и сумерки смыкаются со скрипом
пологий скат взволнованных вещей

вдруг обмирает в медленном хвоще
и великаном вспыхивает липа

кто был здесь медлен кропотлив упрям
тот встанет из отвесных лунных ям
и будет привередливо и дошло
копить в обрывах меловой дневник
(я к языку его давно привык
и для меня он вряд ли станет прошлым)

о криворотый выводок луны
как правильно ты в сумерках двойных
идёшь на медоносный древний опыт
какие львы тебя приноруют
свернуть в чужой немилосердный взгляд
где канешь ты отброшенной синкопой?

не про тебя сих медоносных жил
высокие честные этажи
где тел мгновенных вышиты курсивы
и ласковый кузнечик по поре
стоит у многоточья сизарей
торжественных и запросто спесивых

а мне ещё во тесноте дверной
судачить и беседовать с луной
решать вот ива здесь ещё кислица
где ляжет поминутная река
к чему ещё придётся привыкать
иных времен тягучей веренице

град лепший иже коростель
канун ореховых страстей

град липовый град переходный
ты запросто прошелестел
дождём по осьмеричной коже
ты слётко сотен скоростей

град птичий иже паламид
рябина около гремит

град вылитый, ширококостный
легко собою обними
сии размашистые вёсны

их будет около семи

луна во облаке так смотрит хорошо
ей надо нанизать порядок небольшой
у рытвин воздуха сколь много несогласий
ночное уханье свербит среди балясин
столь шаткой лестницы, а если навспрямки
получишь разворот пременчивой реки
во мотыльковой мгле легли такие росы
что впору пожалеть когда заря пробросом
вдруг землю захлестнёт рыдающей волной
нам травяных тенёт положен ворс двойной
там у косой версты в разрывах долгих окон
где сорные персты мерцали одиноко

синица лёгкая веди
где воздух палевые бреши
синица вёрткая следи
за сходом ливневых орешин

синица блёстками частй
по непогоде этой дробной
синица броская прости
мне этот обморок подробный

обширная твоя молва
волна ли вольная частица
синица небу голова
чего нам здесь ещё примстится?

так щепетильно мы правы
на волосок от сыти тесной
синица около травы
куда ещё мы неизвестно

о мёд с прожилками платана в октябре...
есть маленькая смерть она живёт в ребре
сплошного дерева она медоточива
и не сказать что нас она ожесточила
есть мёд есть смерть есть вещь одна среди вещей
и кто её поймёт – он издревле священ

Иеремия

возьми да вымолви как всё здесь решено
затем оправь лицо да посмотри в окно
как всё встревожено как всё болит да бредит
что поздно ты пришёл что много полой меди
но золота едва в ладонях нулевых
не дрогнула рука под мелочью молвы
ты распрямись хоть мёртв ты говори хоть грешен
а там ты будешь мёд сквозь решето орешин

Поворот земель

Оливье Мессияну

по окончаниям земель
шероховато и безглазо
проброшен окаянный хмель
двунадесятая проказа
настильный шорох кратный дым
идёшь по облаку слюды
по кориолсовым останцам
по процарапанной душе
идёшь под визг карандашей
где что угодно может случиться

о ты мгновенная стугна
и преподобная ресница
тебя недолго обогнать
но как ты после будешь сниться
земель немного добирай
их поворачивай играй
но не иди на полюс дальний
где в оборотных облаках
мы не замечены пока
и с каждым веком зазеркальней

о в тыльном осмосе дорог
всей плоскостью сминая стужу
себя ты мало уберёг
скажи кому ещё ты нужен
а снеговая пыль мягка
иди по образу мелькай
а по подобию развейся
цепное лето говори
где обнажённый стеарин
и душные наплывы гнейса

всё мы занесены во птах
во мессиановы кристаллы
о где мне мглиться и роптать
когда меня ты наверстала
моя надзвездная метель
во широте и долготе
мы якорь не сегодня бросим
а там где кетер во полях
уже низведена земля
во именованную осень

кто во плеяды кто во сталь
но это нам уже не ново
а ты читай меня с листа
моя единая основа
во мессиановых ладах
я позабуду никогда
переверни мне земли разом
и буду я лёгк и тих
среди обмолвок и шутих
последней лестницей рассказа